

Глава первая

Война

... 21 января наши войска освободили Привольное. <...>

Немцы спешно отступали. Их командование, боясь попасть в новый «котел» после разгрома под Сталинградом, спешило вывести войска с Северного Кавказа. С каким восторгом мы встречали красноармейские части! Нам уже были не страшны летающие «юнкерсы», которые, видимо, отслеживали продвижение наших войск...

Фронт еще раз, теперь уже на запад, прокатился через наши края. Надо было снова налаживать жизнь, восстанавливать колхоз. Но как? Все разрушено, ни техники, ни скота, ни семян. Пришла весна. Землю пахали на коровах из личного подворья.

Потом собирали семена, сдавали кто сколько может. Урожай, конечно, в 1943 году был плохой. Еще бы, откуда ему взяться? Но и то, что вырастили, почти всё отдали государству для фронта. Зимой и весной 1944 года начался голод. <...>

Весной, как послание от Бога, на всеобщую радость, пошли дожди. И все вокруг - и в поле, и на огородах - стало расти. Земля нас выручила и на сей раз.

Была еще одна беда: товары в деревню практически не поступали. Ни одежды, ни обуви, ни соли, ни мыла, ни керосиновых ламп, ни спичек – ничего...

Сначала научились сами ремонтировать обувь и одежду. А когда это заплатанное старье окончательно расплзлось, стали искать другой выход - начали выращивать коноплю. Убирали вручную. Вязали снопы, мочили в реке, сушили, трепали, получали нитку - суровье. На «бабушкиных» ручных ткацких станках, спущенных с чердаков, чуть ли не в каждой хате ткали, а потом отбеливали полотно. Из него шили рубахи. Наденешь такую рубаху, а она колоколом стоит.

Овечью шерсть мыли, чесали, на веретене крутили нить и ткали примитивное грубое сукно для изготовления верхней одежды. Из шкур животных, которые предварительно квасились, очищались от шерсти, сушились, мялись и пропитывались мазутом, делали примитивную обувь. Соль добывали из Соленого озера, находившегося в пятидесяти пяти километрах от Привольного. Непонятным способом доставали кальцинированную соду и научились делать мыло. Спичек не было, огонь высекали из кремня, разжигая пропитанную золой вату, для самодельных «спичек» брали тол из противотанковых гранат. Для освещения использовали лампы, «коптилки» из снарядных гильз. Когда понемногу стал появляться керосин - сами начали делать лампы. Удивительно живуч и вынослив наш народ. <...>

Мы стали часто получать письма от отца. Казалось, что больше нам ничего и не нужно: мы живы, и он жив. Мать благодарила Господа Бога. В те трудные, страшные годы люди снова вспомнили Бога.

В конце лета 1944 года с фронта пришло какое-то загадочное письмо. Открыли конверт, а там документы, семейные фотографии, которые отец, уходя на фронт, взял с собой, и короткое сообщение, что погиб старшина Сергей Горбачев смертью храбрых в Карпатах.

Когда я стал Президентом СССР, министр обороны Д.Т.Язов сделал мне уникальный подарок - книгу об истории войсковых частей, в которых в годы войны служил отец. С огромным волнением я читал тогда и перечитываю сейчас одну из военных историй и еще яснее и глубже понял, каким трудным был путь к победе и какую цену наш народ заплатил за нее.

Многое я знал от отца: где воевал, в какие ситуации попадал. Теперь передо мной документ. После мобилизации отец попал в Краснодар, где при пехотном училище была сформирована отдельная бригада под командованием подполковника Колесникова. Первое боевое крещение получила она в ноябре-декабре 1941 года в боях под Ростовом в составе 56-й армии Закавказского фронта. Потери бригады были огромны: убито 440, ранено 120, пропало без вести (как правило, это погибшие) 651 человек. Отец

остался жив. До марта 1942 года держали оборону по реке Миас. И опять большие потери. Бригаду отправили в Мичуринск для переформирования в 161-ю стрелковую дивизию, после чего - на Воронежский фронт в 60-ю армию под командованием генерала Ватутина.

Дивизия участвовала в битве на Курской дуге, в Острогожско-Россошанской и Харьковской операциях, в форсировании Днепра в районе Переяслава-Хмельницкого и удержании известного Букринского плацдарма.

Отец рассказывал, как под непрерывными бомбежками и ураганным артогнем переправлялись они через Днепр на рыбачьих лодчонках, «подручных средствах», самодельных плотках и паромах. Отец командовал отделением саперов, обеспечивавшим переправу минометов на одном из таких паромов. Среди разрывов бомб и снарядов плыли они на огонек, мерцавший на правом берегу. И хотя это было ночью, казалось ему, что вода в Днепре красная от крови.

За форсирование Днепра получил отец медаль «За отвагу» и очень гордился ею, хотя были потом и другие награды, в том числе два ордена Красной Звезды. В ноябре-декабре 1943 года их дивизия участвовала в Киевской операции. В апреле 1944 года - в Проскуровско-Черновицкой. В июле-августе - в Львовско-Сандомирской, в освобождении города Станислава. Потеряла дивизия в Карпатах 461 человека убитыми, более полутора тысяч ранеными. И надо же было пройти через такую кровавую мясорубку, чтобы погибнуть в Карпатах.

Три дня плач стоял в семье. А потом... приходит письмо от отца, мол, жив и здоров.

Оба письма помечены 27 августа 1944 года. Может, написал нам, а потом пошел в бой и погиб? Но через четыре дня получили от отца еще одно письмо, уже от 31 августа. Значит, отец жив и продолжает бить фашистов! Я написал ему письмо и высказал свое негодование в адрес тех, кто прислал письмо с сообщением о его смерти. В ответном письме отец взял под защиту фронтовиков: «Нет, сын, ты напрасно ругаешь солдат - на фронте все бывает». Я переживал в связи со сказанным отцом.

Уже после окончания войны он рассказал нам, что же произошло в августе 1944-го. Накануне очередного наступления саперы получили приказ: ночью оборудовать на горе Магуре командный пункт. Гора покрыта лесом, и только макушка была лысой с хорошим обзором западного склона. Тут и решили ставить КП (командный пункт). Разведчики ушли вперед, а отец со своим отделением саперов начал работать. Сумку с документами и фотографиями он положил на бруствер вырытого окопа. Внезапно внизу раздался какой-то шум, а затем - выстрелы. Саперы бросились врассыпную. Спасла темнота. Ни одного человека не потеряли. Просто чудо какое-то. Отец шутил: «Второе рождение». На радостях и написал письмо домой: мол, жив и здоров, без подробностей.

А утром, когда началось наступление, пехотинцы отцову сумку на высоте обнаружили. Решили, что погиб при штурме горы Магуры, и послали часть документов и фотографии семье.

И все-таки война оставила старшине Горбачеву свою отметину на всю жизнь... Как-то после трудного и опасного рейда в тыл противника, разминирования и подрыва коммуникаций, после нескольких бессонных ночей группе дали недельный отдых. Отошли от линии фронта на несколько километров и первые сутки просто отсыпались. Кругом лес, тишина, обстановка совсем мирная. Солдаты расслабились. Но надо же было случиться, что именно над этим местом разыгрался воздушный бой. Отец и его саперы стали наблюдать - чем все это кончится. Уходя от истребителей, немецкий самолет сбросил весь свой бомбовый запас.

Свист, вой, разрывы. Все бросились на землю. Одна из бомб упала неподалеку от отца, и огромный осколок рассек ему ногу. Несколько миллиметров в сторону - и отрезало бы ногу начисто. Но опять повезло, кость не была задета.

Это случилось в Чехословакии, под городом Кошице. На том фронтовая жизнь отца окончилась. Лечился в госпитале в Кракове, а там уже скоро и 9 мая 1945 года подоспело, День Победы.

Война - страшная трагедия для всей страны. Поручено было многое из того, что с таким трудом создавалось. Поручена надежда на близкую счастливую жизнь. Поручены семьи - дети остались без отцов, жены - без мужей, девушки - без женихов.

Самые трудные и страшные испытания выпали на долю фронтовиков. Перед этим поколением мужчин и женщин в долгу люди Земли. До конца своих дней отец не мог освободиться от пережитого в годы войны. Он много рассказывал о войне. Каким тяжелым было ее начало, не хватало оружия, да и воевать-то не умели.

Под Таганрогом дали их участку фронта подкрепление - несколько тысяч моряков Черноморского флота. Ребята молодые, отборные - кровь с молоком: «Ну, пехота, мы вам покажем, как это делается». В один из дней разгоряченные водкой моряки, густыми цепями, со штыками наперевес пошли в атаку. А немцы встретили их огнем пулеметов и минометов. Так и остались они почти все на этом поле. Земля покрылась телами в черных бушлатах и тельняшках.

Под Таганрогом отец участвовал в рукопашном бою. Потом рассказывал. В голове одно: или тебя, или ты. Никаких других мыслей. Бьешь, колешь, стреляешь, как зверь. Не все выдерживали. Да и остальные только через несколько часов с трудом возвращались в нормальное состояние. Я видел, что даже много лет спустя отцу тяжело было об этом рассказывать.

В военные годы я, как и все, пережил многое. Но когда заходит речь о войне, вспоминаю одну кошмарную картину. В конце февраля - начале марта 1943 года я с другими ребятами в поисках трофеев забрел на дальнюю лесополосу между Привольным и соседним кубанским селом Белая Глина. Там мы наткнулись на останки красноармейцев, принявших здесь последний свой бой летом 1942 года. Описать это невозможно: истлевшие тела, черепа в стальных проржавевших касках, из прогнивших гимнастеров - выбеленные кисти рук. Тут же ручной пулемет, гранаты, стреляные гильзы. Так лежали

они, непогребенные, в грязной жиже окопов и воронок, взирая на нас черными зияющими дырами глазниц...

Тех безымянных солдат схоронили в братской могиле. Никогда мы не воспринимали их как чужих, сторонних людей. В центре Привольного сейчас стоит скромный обелиск. На нем высечены фамилии тех, кто не вернулся с войны. Среди них - Горбачевы.

Когда война кончилась, мне было 14 лет. У меня до сих пор стоит в глазах разоренная послевоенная деревня. Вместо домов мазанки, везде печать запустения, нищеты. Наше поколение - поколение детей войны. Она опалила нас, наложила свой отпечаток и на наши характеры, на все наше мировосприятие.

То, что мы пережили в детстве, наверное, объясняет, почему именно мы, дети войны, решились менять устоявшийся образ жизни. Мы, мальчишки, на плечи которых легла ответственность за выживание семьи, за собственное пропитание, в одночасье стали взрослыми. Разломы жизни, мира, которые мы увидели, участниками которых мы стали, сразу перенесли нас из детства во взрослую жизнь. Мы продолжали радоваться жизни, как дети, мы продолжали играть в подростковые игры, но где-то вторым зрением мы смотрели на свои игры уже взрослыми глазами.

Михаил Горбачев. Из книги «Наедине с собой». М.,
Грин-Стрит. 2012. С.31-38